

Из журнала для медленного чтения

Отечественные записки

2004. № 6

Р. Капелюшников

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Очерк современной теории



НИУ ВШЭ
ЛАБОРАТОРИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Р.И. Капелюшников

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Очерк современной теории

Текст электронной публикации с сайта
журнала «Отечественные записки»

помещенный ниже текст скопирован с электронной страницы
<http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii>
[Архив номеров журнала «Отечественные записки» 2001–2014,
Выпуск журнала № 6 (21) 2004]

Капелюшников Р.И. Право собственности: Очерк современной теории [Отечественные записки. 2004. № 6] // НУЛ теории права НИУ ВШЭ (эл. адрес).

© Капелюшников Р.И., 2004

© «Отечественные записки», 2004

© Оформление: Лаборатория теоретических исследований права и государства НИУ ВШЭ, 2019

Два определения

Право собственности — одно из фундаментальных понятий экономической и социальной теории. К раскрытию его смысла можно попытаться подойти как бы с двух сторон — «извне» и «изнутри». Анализ может вестись либо на макроуровне (уровне всего общества), либо на микроуровне (уровне индивидуального поведения). В первом случае предметом обсуждения становится режим собственности как целостная система, во втором — отдельные права как составные элементы этой системы.

Среди множества существующих определений прав собственности, наверное, два выражают их смысл точнее всего. С точки зрения выполняемой социальной функции права собственности предстают как определенные «правила игры», регулирующие взаимоотношения между людьми по поводу редких ресурсов, а с точки зрения их внутреннего содержания — как «пучки правомочий», которыми располагают отдельные агенты. И то, и другое требует, конечно, более развернутой характеристики.

Права собственности как санкционированные поведенческие нормы

Воспользуемся развернутой характеристикой, принадлежащей американским экономистам С. Пейовичу и Э. Фьюрботну. «Права собственности, — отмечают они в своем определении, — понимаются как санкционированные поведенческие отношения, возникающие между людьми в связи с существованием благ и касающиеся их использования. Эти отношения определяют такие нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно или соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми, или же нести издержки из-за их несоблюдения. Термин “благо” используется в данном случае для обозначения всего, что приносит человеку полезность или удовлетворение. Таким образом, и этот пункт важен, понятие прав собственности в контексте нового [экономического — Р. К.] подхода распространяется на все редкие блага. Оно охватывает полномочия как над материаль-

ными объектами... так и над “правами человека” (право голосовать, печатать и т. д.). Господствующая в обществе система прав собственности есть в таком случае сумма экономических и социальных отношений по поводу редких ресурсов, в рамках которой отдельные члены общества противостоят друг другу»¹.

В приведенном развернутом определении заявлены основные темы, разработкой которых занята экономическая теория прав собственности. Выделим в нем важнейшие моменты.

1. Термином «собственность» обозначаются не какие-то материальные или нематериальные объекты — станки, земельные участки, научные открытия, литературные произведения и т. п., а определенные наборы прав: «Не ресурс сам по себе является собственностью; пучок или доля прав по использованию ресурса — вот что составляет собственность. Собственность в первоначальном значении этого слова относилась только к праву, титулу, интересу, а ресурсы могли называться собственностью не больше, чем они могли называться правом, титулом или интересом»². К сожалению, в быденном языке понятие «собственность» чаще всего употребляется в значении «объект собственности». Этим объясняется вынужденное удвоение терминов и употребление выражения «право собственности» вместо просто «собственность».

2. Отношения собственности понимаются как отношения именно между людьми, а не как отношения «человек/вещь»: «...термином права собственности обозначаются отношения между людьми по поводу использования редких благ, а не отношения между людьми и вещами»³.

Чтобы подчеркнуть этот момент, отношения собственности можно было бы обозначить как фактически действующую в обществе систему исключений из доступа к материальным и нематериальным ресурсам, понимая под «доступом» все множество возможных решений, связанных с этими ресурсами (не обязательно предполагающих лишь физическое воздействие на них). Таким путем задается матри-

¹ The economics of property rights / Ed. by E.G. Furubotn, S. Pejovich. Cambridge, 1974: 3.

² Demsetz H. Towards a theory of property rights // American economic review 57 (1967): 2, 17.

³ Pejovich S. Fundamentals of economics: a property rights approach. Dallas, 1981: 13.

ца взаимодействий между теми, у кого нет доступа к какому-либо ресурсу, и теми, кому он открыт. В отличие от технологического отношения, которое может выступать в виде простейшей связки «субъект — объект», отношение собственности всегда содержит как минимум три составляющих: «собственник — предмет собственности — несобственник». Поэтому система исключений из доступа к имеющимся в обществе ресурсам как бы содержит в свернутом виде все способы потенциальных взаимодействий между экономическими агентами по поводу их использования.

3. Понятие прав собственности напрямую связано с центральной проблемой экономической науки, проблемой редкости, так как их установление имеет смысл только по отношению к ограниченным (редким) ресурсам: «...без какой-либо предпосылки редкости бессмысленно говорить о собственности и справедливости»⁴. В мире ограниченных ресурсов неизбежно возникновение конфликтов по поводу их использования. Установление прав собственности не устраняет эти конфликты, но определенным образом их ограничивает и упорядочивает. Американский философ Р. Дворкин сравнил роль прав в человеческих взаимоотношениях с ролью «козырей» в карточной игре: ссылки на права разрешают споры о доступе к редким благам, так как они не «побиваются» никакими другими аргументами.

Установление прав собственности уменьшает неопределенность экономической среды, делая ее более стабильной и предсказуемой. Поэтому их и можно назвать «правилами игры». Различные «правила игры» могут оказываться более и менее удачными, их развитие, отбор и замена определяются тем, насколько успешно они справляются с урегулированием действительных и недопущением потенциальных конфликтов по поводу редких ресурсов.

4. Права собственности носят всеохватывающий характер и могут наделять властью как над материальными, так и концептуальными объектами — вплоть до неотчуждаемых личных свобод. Это относится и к самим правам, которые так же, как и другие бестелесные объекты, могут составлять предмет собственности. Так появляются сложные многоступенчатые конструкции, где права низшего уровня оказываются объектом прав среднего уровня, те, в свою очередь, — объектом прав высшего уровня и т. д. (Скажем, опцион есть право на приобретение

⁴ *Toumanoff P.G.* Theory of market failure // *Kyklos* 37 (1984): 4, 320.

акций какой-либо компании, т. е. право на получение прав контролировать ее деятельность и участвовать в ее доходах.)

5. Отношения собственности рассматриваются как санкционированные обществом, но не обязательно государством. Они могут закрепляться и охраняться не только силой государства в виде законов и судебных решений, но и авторитетом традиций, неписаных обычаев, нравственных и религиозных заповедей и т. п.

6. Права собственности действуют как своеобразные стимулы, увеличивая издержки одних способов поведения и повышая привлекательность других. Экономический подход к правам собственности свободен от наивного представления, согласно которому достаточно принять закон, чтобы он начал выполняться. Несанкционированное (отклоняющееся) поведение остается в поле его зрения и понимается экономически: запреты и ограничения не устраняют такое поведение, а, действуя как отрицательные стимулы, повышают связанные с ним издержки (в виде возможного наказания). И соблюдение, и нарушение санкционированных поведенческих норм превращаются в акты рационального экономического выбора.

Право собственности как набор частичных правомочий

Историки права выделяют две основные традиции в понимании права собственности — континентальную и англосаксонскую. Первая считала необходимой концентрацию всех прав собственности на объект в руках одного владельца, рассматривая случаи рассредоточения правомочий среди нескольких лиц как феодальные пережитки. Ее классическим воплощением стал Кодекс Наполеона, где частная собственность провозглашалась не только «священной и неприкосновенной», но и «неограниченной и неделимой». В противоположность этому англосаксонская правовая традиция удержала многие институты феодального права, допуская, в частности, возможность раздробления собственности на какой-либо объект на правомочия нескольких лиц. Если континентальная традиция представляла право собственности как нечто единое и неделимое, то англосаксонская — как совокупность частичных правомочий. Несомненно, вторая традиция отличается большей гибкостью и реализмом. Единое и неделимое право — не более чем идеальная конструкция, а в реальной

жизни отдельные правомочия всегда вступали в разнообразнейшие сочетания и могли каждое по отдельности принадлежать разным лицам. Расщепление права на частичные правомочия — нормальная практика, и было бы неверно расценивать ее как свидетельство эрозии частной собственности.

Англосаксонская традиция является в настоящее время преобладающей и берется за основу при кодификации права на международном уровне. Специалисты отмечают, что свойственные ей гибкость и пластичность больше отвечают сложным экономическим, социальным и политическим реалиям современного общества⁵.

Англосаксонская правовая традиция оказала несомненное влияние на формирование исходных представлений теории прав собственности. Право собственности определяется в ней как набор допустимых экономических решений, или, в полном соответствии с этой традицией, как «пучок частичных правомочий». При этом сама классификация прав и форм их защиты может производиться по различным критериям, в зависимости от характера изучаемых проблем.

Исчерпывающий перечень правомочий включал бы права на использование ресурса, его потребление, разрушение, видоизменение, улучшение, управление, продажу, дарение, завещание, сдачу в аренду, предоставление в качестве залога, получение от него дохода и др. Ему противостоит симметричный перечень ограничений, распространяющихся на всех несобственников. Это запреты на присвоение ресурса, конфискацию, порчу, загрязнение, пересечение, использование без разрешения и др., свидетельствующие о признании права собственности данного индивидуума другими членами общества. Такое сочетание прав и ограничений очерчивает «зону приватности», которая оказывается ограждена от вторжений извне и в пределах которой каждый агент может поступать по собственному усмотрению, никому не давая отчета — ни государству, ни другим частным лицам.

Из понимания права собственности как набора допустимых экономических решений следует, что любой акт обмена есть не что иное, как обмен пучками правомочий. Это — базовое представление для всего экономического анализа прав собственности. Идея, что рыночный обмен представляет собой обмен пучками правомочий, не нова.

⁵ Лазар Я. Собственность в буржуазной правовой теории. М., 1985: 17–18.

В XIX веке ее высказывал Е. Бем-Баверк⁶, но впоследствии она была предана забвению.

При таком подходе любой товар предстает не просто как определенная сумма его потребительских или производственных характеристик, но также и как набор сопряженных с ним прав и ограничений. Соответственно его ценность и денежная цена зависят как от первых, так и от вторых: «Когда на рынке заключается сделка, обмениваются два пучка прав собственности. Пучок правомочий обычно “прикрепляется” к определенному физическому благу или услуге, но именно ценность прав определяет ценность обмениваемых товаров: вопросы, относящиеся к формированию и структуре компонентов пучка прав, предшествуют вопросам, которыми по большей части заняты экономисты. Они принимают обычно пучок прав как данный и ищут объяснение, чем определяются цена и количество подлежащего обмену товара, к которому относятся эти права»⁷.

Чем шире набор правомочий, закрепленных за ресурсом, чем точнее они определены и надежнее защищены, тем выше его полезность. Так, собственная вещь и вещь, взятая напрокат, имеют разную полезность для потребителя, даже если физически они совершенно идентичны. Дом имеет разную ценность, когда домовладелец вправе запретить строить поблизости от него бензоколонку и когда он лишен такой возможности. Продавец вынужден предлагать в акте обмена большее физическое количество того же самого блага, если закрепленные за ним правомочия сильно ограничены.

Пучки правомочий, относящиеся к различным ресурсам, определяют последствия, которые придется нести собственнику за принимаемые им решения. Таким образом они влияют на выбор и характер использования ресурсов.

Отсюда понятна связь рынка с рассредоточением прав собственности. Сдвиги в законодательстве фактически меняют состав товаров, выносимых на рынок. Экономические агенты не могут передать в обмене больше правомочий, чем они имеют. Поэтому расширение или сужение имеющихся у них прав собственности будет вести к изменению условий и масштабов обмена (увеличению или уменьшению числа сделок в экономике).

⁶ *Behrens P.* The firm as a complex institution // *Journal of institutional and theoretical economics* 141 (1985): 1, 64.

⁷ *Demsetz H.* *Op. cit.*: 347.

«Полное» либеральное право частной собственности

Исходным пунктом при разработке теории прав собственности стало обращение к «чистому» режиму частной собственности. Выбор такой отправной точки не случаен. Частная собственность представляет в известном смысле простейший для анализа случай, поскольку она создает «зоны приватности», внутри которых каждый собственник оказывается автономен в принятии экономических решений и в получении от них результатов. «Полное» либеральное право частной собственности задает определенный стандарт, отклонения от которого означают движение в направлении иных правовых режимов. Это, разумеется, идеальный тип, никогда не встречавшийся в реальности в чистом виде. Тем не менее такая гипотетическая конструкция помогает понять многие особенности реально существующих форм собственности.

Чистый режим частной собственности предполагает, что собственник наделен полным и исчерпывающим пучком правомочий и что они надежно защищены от чьего бы то ни было вмешательства. «Полное» либеральное определение права частной собственности, которое к настоящему времени стало уже хрестоматийным, было предложено английским юристом А. Оноре. Оно включает 11 элементов: 1) право владения, т. е. исключительного физического контроля над вещью; 2) право пользования, т. е. личного использования вещи; 3) право управления, т. е. решения, как и кем вещь может быть использована; 4) право на доход, т. е. на блага, проистекающие от предшествующего личного пользования вещью или от разрешения другим лицам пользоваться ею (иными словами — право присвоения); 5) право на «капитальную ценность» вещи, предполагающее право на отчуждение, потребление, промотание, изменение или уничтожение вещи; 6) право на безопасность, т. е. иммунитет от экспроприации; 7) право на передачу вещи по наследству или по завещанию; 8) бессрочность; 9) обязанность воздерживаться от использования вещи вредным для других способом; 10) ответственность в виде взыскания, т. е. возможность отобрания вещи в уплату долга; 11) остаточный характер, т. е. ожидание «естест-

венного» возврата переданных кому-либо правомочий по истечении срока передачи или в случае утраты ею силы по любой иной причине⁸.

Попробуем сначала ответить на вопрос, какой принцип положен в основу приведенной классификации. Нетрудно убедиться, что выделение частичных правомочий производится в ней применительно к границам, отделяющим собственника и имеющиеся у него ресурсы от других собственников. Имеются в виду, конечно, не физические, а социальные границы, как бы «окаймляющие» ресурс, принадлежащий собственнику. Развивая эту метафору, можно было бы сказать, что право владения подразумевает не более чем возможность «обведения» подобных границ вокруг ресурса; право пользования — возможность совершать с ресурсом, оставаясь в заданных границах, какие угодно действия; право управления — возможность «впускать» в очерченную этими границами зону других агентов; право на доход — возможность «раздвигать» эти границы так, чтобы внутри них оказывались все новые объекты (блага), полученные в результате использования ресурса; право на капитальную ценность — возможность охвата этими границами не только текущих, но и предстоящих плодов от его использования; иммунитет от экспроприации — недопустимость их пересечения другими агентами; право на наследование и завещание — возможность определять условия и порядок «вхождения» внутрь границ будущих собственников; запрещение вредного использования — недопустимость выхода отрицательных результатов от пользования ресурсом за установленные вокруг него границы и т. д.

Представление о границах «зоны приватности» выступает в качестве смыслового центра, организующего вереницу разнообразных конкретных собственнических правомочий в определенную систему. Поэтому существование частной собственности (или хотя бы каких-то ее элементов) является важным аспектом свободы, и в этом смысле она представляет собой самодовлеющую ценность. Но помимо этого она имеет и огромное инструментальное значение, способствуя повышению экономической эффективности и поощрению нововведений.

Право собственности — не просто арифметическая сумма правомочий, а система взаимосвязанных элементов. О степени их взаимозависимости можно судить по тому, насколько ограничение какого-

⁸ *Honore A. M. Ownership // Oxford essays in jurisprudence / Ed. by A.W. Guest. Oxford, 1961: 112–128.*

либо правомочия (вплоть до полного его устранения) влияет на возможность реализации остальных правомочий. Например, право пользования не связано жестко с правом на отчуждение вещи. Но обратное неверно: право на передачу вещи неизбежно предполагает, что, по крайней мере, какая-то часть прав на пользование или доход у собственника имеется (иначе обмен с ним ни для кого не имел бы смысла). Жесткое ограничение права на получение дохода от ресурса (скажем, в виде сверхвысокого налога) может вести к полной утрате заинтересованности в его использовании. Собственник никак не будет защищать имеющееся у него право пользования, как если бы он был лишен его⁹.

Остановимся подробнее на некоторых наиболее важных частичных правомочиях из списка Оноре. Особого внимания заслуживают правомочия 5 (право на капитальную ценность) и 9 (запрещение вредного использования). Право на капитальную ценность ресурса американский исследователь Л. Беккер считает наиболее фундаментальным. Все остальные элементы, по его мнению, представляют собой примеры защиты, расширения, ограничения или разработки этого основного правомочия. Оно предполагает, что экономические агенты могут не только уничтожать, преобразовывать и использовать принадлежащие им ресурсы в процессе производства и потребления, не только передавать их или сдавать в аренду, но и извлекать их полную ценность при отчуждении в акте обмена. Действительно, поскольку рыночная цена любого блага соответствует капитализированной (дисконтированной) величине потока ожидаемых выгод за весь срок его службы, постольку, продав это благо на рынке, собственник получает возможность уже сегодня приобщиться к экономическим результатам от его последующего использования. Причем это могут быть результаты, реальное получение которых даже выходит за горизонт физического существования самого собственника. Скажем, изобретатель, продавая свое открытие на рынке, приобщается к выгодам, которые оно, может быть, станет давать только тогда, когда его самого уже не будет в живых.

Продолжим этот условный пример. Допустим, какой-то гениальный селекционер, достигший крайне преклонного возраста, стоит перед проблемой: браться или не браться за выведение нового, необычайно продуктивного сорта садовых деревьев? Первые саженцы

⁹ *Chuang S. N. S. The myth of social costs. L., 1978: 52.*

он ожидает получить уже через год, но плодоносить они смогут не раньше чем через полвека. Самому ему отведать их плодов явно не придется. Но если он будет располагать правом на капитальную ценность выведенного сорта, ему есть смысл взяться за работу: ведь продав саженцы, он по существу примет косвенное участие в дележе будущих плодов, к сбору которых реально приступят только через пятьдесят с лишним лет.

Естественно, что такая приобщенность к будущим результатам может возникать при принятии решений, как повышающих, так и понижающих капитальную ценность ресурса. Поэтому экономические агенты оказываются заинтересованы в учете даже тех отдаленных положительных и отрицательных следствий от своей текущей деятельности, которые реально могут начать сказываться лишь на жизни будущих поколений.

Правомочие 9 – запрещение вредного использования – занимает особое место в «полном» определении права частной собственности. Оно говорит об ограничениях, а не об имеющихся возможностях, в отличие от остальных элементов из списка Оноре. Смысл этого правомочия состоит в том, что даже присутствие всех элементов из «полного определения» не делает право собственности неограниченным. Равенство прав требует симметричных ограничений взаимного плана. Ограничения на права собственности каждого индивидуума вытекают из признания им прав собственности других индивидуумов. В обмен на свой отказ от поведения, способного причинить ущерб чужому имуществу, он рассчитывает на такой же отказ от других по отношению к его имуществу. Поэтому даже в идеальной ситуации частное право собственности могло бы быть названо «полным», но не «неограниченным». «Полнота» в данном случае означает, что оно будет стеснено наименьшим из всех возможных числом ограничений.

Это переводит проблему в более привычную для экономической теории плоскость. Задача максимизации целевой функции в заданных ограничениях встречается в ней, возможно, чаще других. В «полном» определении права частной собственности речь по существу идет о том же: о максимизации свободы принятия экономических решений при условии непричинения вреда другим.

Важно уточнить, что запрещение вредного использования касается только физических характеристик ресурсов, но не их меновой ценности. Оно не распространяется на нанесение ущерба косвенным пу-

тем — посредством снижения рыночной ценности ресурсов, принадлежащих кому-то другому. Предприниматель не вправе разорить конкурента, устроив поджог на его фабрике, но он вправе разорить его, резко повысив эффективность собственного производства. Запрещение действий, изменяющих ценность чужого имущества (как это практиковалось в средневековых цехах), означало бы ограничение свободы конкуренции и отрицание принципа равноправия. Например, получалось бы, что потенциальные конкуренты были бы лишены права заниматься деятельностью, которой свободно занимаются уже действующие в данной отрасли агенты.

Однако в реальном мире, где изменения оказываются результатом сложного переплетения множества индивидуальных решений, установить, от кого именно они исходят и касаются ли они только меновой ценности ресурсов или ограничивают свободу деятельности других людей, можно лишь с известной долей приблизительности. Например, установление монопольно высокой цены, как правило, влечет за собой санкции со стороны государства, тогда как действия по «сбиванию» цены никак не ограничиваются, хотя, казалось бы, и то, и другое не затрагивает физических характеристик ресурсов. Поэтому в том, что признается, а что не признается обществом вредным использованием, всегда присутствует элемент условности, социальной конвенции.

Из 11 элементов, входящих в «полное» определение частной собственности, можно составить внушительное количество комбинаций. Однако, по мнению американского философа Л. Беккера, не все из этих сочетаний заслуживают названия права собственности. Таковыми могут быть признаны право на «капитальную ценность» даже взятое отдельно; любая комбинация с его включением; любая пара из первых четырех элементов (право владения, право пользования, право управления и право на доход) с добавлением к ней права на безопасность и т. д. Во всяком случае один из первых пяти элементов обязательно должен присутствовать в связке, которая могла бы составить право собственности. Но даже при этих оговорках число осмысленных сочетаний оказывается равно 1,5 тыс., а если учесть их варьирование по субъектам и объектам права, то разнообразие форм собственности становится, по словам Л. Беккера, поистине «устрашающим»¹⁰.

¹⁰ *Becker L. S. Property rights: philosophical foundations. Cambridge, 1977: 21.*

С точки зрения экономической теории такой подход с жестко проводимой границей между ситуациями, где есть право собственности и где оно отсутствует, не вполне корректен. Даже если какие-то сочетания правомочий нельзя признать «правом собственности» в полном смысле слова, то это не значит, что они не могут отпочковываться и принадлежать кому-либо в таком усеченном виде. По замечанию А. Алчяна и Г. Демсеца, в какой мере то или иное правомочие на вещь принадлежит собственнику, можно судить по тому, насколько его решение будет предопределять ее действительное использование. Если существует вероятность, равная единице, что решение собственника, выражающее реализацию им какого-либо правомочия, и в самом деле без малейших отклонений будет выполняться в процессе использования ресурса, то тогда можно сказать, что собственник обладает абсолютным правомочием на этот ресурс¹¹.

Определяя право частной собственности, экономисты ограничиваются обычно более коротким перечнем составляющих его элементов. Но принципиальный подход к праву собственности как набору частичных правомочий остается тем же. Обычно выделяются следующие основные классы правомочий, образующих право частной собственности: «Благо или имущество определяется как находящееся в частной собственности тогда и только тогда, когда три отличительных признака связаны с правами на владение им. Во-первых, исключительное право пользования (или решения о пользовании) благом, которое может рассматриваться как право на исключение других индивидуумов из его использования. Во-вторых, исключительное право на получение дохода от использования вещи. В-третьих, полное право на передачу или свободное “отчуждение” имущества, которое включает право заключать контракты и выбирать их форму. Эта структура прав, определяющая частную собственность, является, конечно, идеализацией, предназначенной для теоретического анализа; на практике исключительность и передаваемость прав являются вопросами степени»¹².

По сути это классический набор прав владения, пользования и распоряжения. Подобный перечень можно считать стандартным для теоретиков прав собственности. [Ср., например, классификацию С.

¹¹ Alchian A. A., Demsetz H. The property rights paradigm // Journal of economic history 33 (1973): 1, 17.

¹² Chueng S. N. S. Op. cit.: 51.

Пейовича: «Право собственности на имущество состоит из следующих правомочий: 1) права пользования имуществом (*usus*); 2) права пожинать приносимые им плоды (*usus fructus*); 3) права изменять его форму и субстанцию (*abusus*) и 4) права передавать его другим лицам по взаимно согласованной цене. Последние два правомочия определяют право собственника на осуществление изменений в ценности его имущества и представляют собой фундаментальные компоненты права собственности»¹³.]

Частная собственность и экономическая эффективность

«Полный» набор прав частной собственности обладает важными информационными и мотивационными преимуществами. Он побуждает экономических агентов сообщать через сигналы рыночных цен истинную информацию о своих производственных возможностях и потребительских предпочтениях. Он подталкивает их к принятию наиболее эффективных решений, повышающих благосостояние всего общества. Эти преимущества обеспечиваются такими его свойствами, как исключительность, отчуждаемость, дробимость и стабильность. Им в теории прав собственности придается первостепенное значение.

Исключительность означает, что все, кроме самого собственника, исключены из доступа к ресурсу. Отчуждаемость предполагает отсутствие ограничений на свободную продажу и передачу правомочий. Дробимость позволяет расщеплять право собственности на отдельные правомочия и образовывать из них новые комбинации. Расширяемость подразумевает распространимость частной собственности на все существующие ресурсы — как настоящие, так и будущие. Эти характеристики частной собственности способствуют максимизации социального продукта.

1. В силу исключительности права частной собственности на собственника и только на него падают все отрицательные и положительные результаты от пользования ресурсом. Он оказывается заинтересован в максимально полном их учете при планировании своей

¹³ *Pejovich S. The capitalist corporation and the socialist firm: a study of comparative efficiency // Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik 112 (1976): 1, 3.*

деятельности, что повышает эффективность принимаемых им решений (в смысле преобладания положительных последствий над отрицательными): «Чем определеннее права частной собственности... тем теснее отношение между благосостоянием индивидуума и экономическими (социальными) последствиями его решений. Как результат, тем сильнее для него стимул учитывать те выгоды или тот ущерб, которые его решения приносят другим индивидуумам»¹⁴.

2. Отчуждаемость позволяет передавать благо в ходе обмена тому агенту, который готов предложить за нее наивысшую цену (для кого оно представляет максимальную ценность). Тем самым обеспечивается эффективное размещение ресурсов, поскольку в ходе обмена они будут переходить от менее производительных употреблений — к более производительным, от лиц, меньше их ценящих, — к лицам, ценящим их больше. При ограничении свободы на передачу прав не все возможности для взаимовыгодного обмена будут исчерпаны.

Отчуждаемость способствует оптимальному размещению ресурсов не только в пространстве, но и во времени. Как мы видели, возможность выручить в акте меновой сделки капитальную ценность ресурса приучает экономических агентов к дальновидности, заставляет учитывать не только ближайшие, но и отдаленные последствия принимаемых ими решений (простирающиеся, возможно, даже за горизонт их собственной жизни).

3. Благодаря дробимости частной собственности частичные правомочия могут беспрепятственно отпочковываться, дифференцироваться, комбинироваться и рекомбинироваться. Перегруппировка правомочий может принимать две формы. Во-первых, весь набор прав на ресурс может принадлежать одновременно нескольким агентам. В таком случае все они имеют возможность соучаствовать в осуществлении каждого из правомочий. Например, два агента, организовавшие партнерство, имеют равные «долевые» права при определении его производственной программы, распределении дохода или принятии решения о ликвидации. Во-вторых, частичные правомочия могут каждое по отдельности принадлежать различным агентам. Скажем, фермер, арендующий земельный участок, имеет право выращивать на нем хлеб, его сосед-скотовод — проводить через него стадо к водопою, владелец расположенной недалеко фабрики — загрязнять воздух над ним

¹⁴ *De Alessi L.* The economics of property rights: a review of evidence // *Research in law and economics* 2 (1980): 28.

дымом и сажой, все жители страны — пролетать над ним на самолете, а землевладелец — его продать. В таком случае каждый из совладельцев оказывается наделен частичным правомочием лишь какого-то определенного класса.

Дробимость открывает возможность для кооперации и специализации в осуществлении собственных правомочий. Если пользование каким-то ресурсом эффективнее осуществлять на совместной основе, то агенты могут достичь этого, объединив имеющиеся у них права. В то же время любой агент может специализироваться в выполнении только тех собственных функций, где он обладает сравнительными преимуществами в производительности. (Например, в современной корпорации право управления находится у высших менеджеров, а право распоряжения капитальной ценностью ее активов — у акционеров.) Перераспределение частичных правомочий в соответствии с индивидуальными знаниями и талантами различных категорий собственников также способствует максимизации совокупного богатства.

4. Свойство расширяемости гарантирует, что в обществе нет и не может быть никому не принадлежащих, «неприсвоенных» объектов. Если обнаружен новый ресурс, то имеются правила, однозначно определяющие, кто и каким образом может претендовать на его присвоение. Поэтому не остается ни одного объекта, права на который не были бы установлены и расписаны по индивидуальным агентам. Экономика в этом случае располагает полным набором рынков.

Именно права собственности составляют базу для принятия рациональных решений экономическими агентами. Они устанавливают, кто именно может принимать решения по распоряжению ресурсом; определяют направление передачи ресурсов между агентами; задают временной горизонт принятия решений; предписывают, кому должны доставаться выгоды от использования ресурса.

Известный американский философ Р. Нозик подытожил преимущества системы частной собственности следующим образом: 1) она повышает благосостояние общества, отдавая ресурсы в руки тех, кто может распорядиться ими лучше других; 2) она поощряет экспериментирование и нововведения, потому что когда ресурс принадлежит одному человеку, ему не нужно убеждать других или какие-то государственные органы в ценности своей новой идеи; 3) она способствует эффективному распределению риска, поскольку вероятные издержки, связанные с той или иной деятельностью, падают на тех, кто

непосредственно ею занимаются, и поэтому они оказываются заинтересованы в том, чтобы специализироваться и становиться экспертами в оценке рисков именно этого типа; 4) она защищает интересы будущих поколений, побуждая некоторых агентов переключать ресурсы от текущего потребления на достижение долговременных целей, лежащих нередко за горизонтом их собственного существования; 5) она защищает наиболее презируемые категории населения благодаря тому, что на рынке труда возникает конкуренция среди множества частных работодателей¹⁵.

Принято считать, что наибольшее приближение к идеальному режиму частной собственности было достигнуто Великобританией и США в XIX веке, в период господства принципов либерализма. Большинство форм регулирования рынка отвергалось, вмешательство государства было минимальным. Тем не менее существовавшая система не соответствовала идеальному режиму частной собственности в двух отношениях. Во-первых, ответственность за многие «вредные эффекты» падала не на тех, кто их вызывал. Фирмы не отвечали за загрязнение окружающей среды. Производители недоброкачественной продукции были защищены от исков потребителей доктриной, согласно которой покупатель вступал в контрактные отношения не с ними, а с розничными торговцами («*privity of contract*»). Во-вторых, слабо ограничивалась деятельность частных монополий (антитрестовское законодательство начало появляться в США лишь к концу XIX века).

Эти недостатки вызывали растущую волну критики и требований государственного ограничения рынка и частной собственности. Однако в США эти попытки наталкивались на закрепленное в Конституции право на свободу договора. Длительное время Верховный суд признавал неконституционными и отменял любые решения законодательных властей, ограничивавшие свободу контракта. Однако в период Нового курса Рузвельта началось широкое вторжение государства в экономику. До начала Нового курса суды активно защищали права собственности, игнорируя «социальные» права. После Второй мировой войны суды начали энергично отстаивать социальные права — свободу слова, совести, расовое равноправие и др. Они стали поддерживать все более широкое вторжение законодательной власти в регулирование прав собственности. Эта тенденция, набравшая

¹⁵ Nozik R. Anarchy, state and utopia. Oxford, 1974: 177.

силу с начала 1930-х годов, вышла далеко за пределы контроля за монополиями и «внешними эффектами». «Чистый» режим частной собственности сменился смешанным¹⁶.

Проблема спецификации/размывания прав собственности

Большое место в экономическом анализе прав собственности занимает проблема их спецификации и «размывания». По словам С. Пейовича и Э. Фьюрботна, она является ядром современной теории фирмы¹⁷, потому что через нее вскрываются сложные обратные связи между собственностью и формами организации экономической деятельности.

Спецификацией называется точное определение набора правомочий собственника. Она выступает важнейшим условием эффективной работы экономики. Спецификация прав уменьшает неопределенность экономической среды и формирует у индивидуумов стабильные ожидания относительно того, на что они могут рассчитывать в результате собственных действий и в отношениях с другими экономическими агентами: «Если ценный актив никому однозначно не принадлежит, тогда ни у кого нет и стимула заботиться о нем должным образом. Если права собственности непередаваемы, тогда мало надежды, что активы попадут в конце концов к тем, кто способны употребить их наилучшим образом, т. е. к тем, кто ценят их выше других. Если права собственности не надежны, тогда владельцы не станут много инвестировать в активы, которые они могут потерять без всякой компенсации или которые требуют для защиты от притязаний на них затрат ценных ресурсов»¹⁸. Чем лучше специфицированы и надежнее защищены права собственности, тем большую ценность они представляют.

¹⁶ Cooter R. Organization of property: economic analysis of property law applied to privatization // The emergence of market economies in Eastern Europe / Ed. By Ch. Clague and G.C. Rausser. Cambridge, 1992: 80–82.

¹⁷ The economics of property rights: 47.

¹⁸ Milgrom P. R., Roberts J. Economics, organization and management. Englewood Cliffs, 1992: 294.

Совершенный режим частной собственности означает исчерпывающую спецификацию и абсолютную защиту всех правомочий. Понятно, что такое было бы возможно только в идеальном мире, где любая, сколь угодно сложная спецификация обходилась бы бесплатно. В реальном мире, где издержки спецификации могут быть очень велики, далеко не все права оказываются точно определены, однозначно распределены и надежно защищены. В «порах» между точно специфицированными наборами прав остаются зоны с высокой степенью неопределенности.

Точность спецификации зависит от баланса ожидаемых выгод от нее и издержек по установлению и защите права. Чем больше ценность ресурса, тем больше число притязателей на него и тем больше стимулы к установлению точных прав. Можно сказать, что степень спецификации должна соответствовать степени редкости различных ресурсов. Величина издержек по определению содержания и защите прав будет колебаться в зависимости от физических характеристик ресурсов, соответственно, будет колебаться и точность устанавливаемых на них прав собственности. Прежде всего спецификация предполагает наделение правами собственности строго определенных лиц: «...исключить других из свободного доступа к ресурсу означает специфицировать права собственности на него»¹⁹. Кроме того, необходимо точно определить границы объекта собственности, а также способы наделения и защиты прав на него.

Существует бесконечное количество вариантов «дробления» мира на единичные объекты. Очевидно, что различные способы определения границ объекта будут возлагать на экономических агентов неодинаковые издержки. Способы установления прав собственности не менее многообразны. Например, в США в период освоения Дикого Запада для занятия свободного участка было достаточно дать объявление в местной газете. Но вскоре государство ввело дополнительные, более жесткие требования: для подтверждения прав претендент обязывался высадить определенное количество деревьев, регулярно обрабатывать участок в течение нескольких лет и т. д.²⁰

¹⁹ *Pejovich S. Towards an economic theory of creation and specification of property rights // Readings in the economics of law and regulations / Ed. by A.I. Ogus, C.C. Veljanovsky. Oxford, 1984: 56.*

²⁰ *Anderson T. L., Hill P. J. Privatizing the commons: an improvement? // Southern journal of economics 50 (1983): 2.*

Наконец, права собственности нуждаются в защите. Незащищенное право не есть право вообще. Чтобы не оставаться чисто номинальными, правомочия должны быть не только определены, но и обеспечены эффективными санкциями. Механизмы защиты могут быть различными — от воспитания в членах общества определенных поведенческих стереотипов и морального осуждения нарушителей до угрозы личной мести и судебной ответственности. (В последнем случае санкции могут выступать в форме компенсации за нанесенный в прошлом ущерб, запрета на повторение действий в будущем, уголовного наказания.)

Выбор между ними будет диктоваться соотношением связанных с каждым из них издержек и выгод. Спецификация выражается в наличии полной информации о собственнике, об объекте собственности и связанных с ним правах и ограничениях, о способах установления и защиты этих прав. Чем большую ценность представляет право, тем точнее и достовернее должна быть относящаяся к нему информация. Например, все сделки с землей подлежат обычно обязательной регистрации в специальном реестре. Это делается для того, чтобы любой будущий покупатель мог удостовериться, что продавец действительно является владельцем участка, и чтобы исключить возможные споры в будущем. (В средневековой Англии крестьяне прибегали к такому методу хранения информации: по случаю продажи участка земли в деревне устраивали праздник, который заканчивался тем, что выбирали мальчишку и подвергали его порке. Тот запоминал праздник и порку на всю жизнь и при необходимости мог удостовериться, от кого к кому и когда перешел участок.)

Очевидно, что различные варианты спецификации объектов собственности, а также способов установления и защиты прав на них далеко не равноценны и требуют неодинаковых затрат.

Обратное явление носит название «размывания» (*attenuation*) прав собственности. Оно ведет к ослаблению всех тех информационных и мотивационных преимуществ «полного» права частной собственности, которые способствуют достижению экономической эффективности.

Размывание прав собственности имеет место, когда они либо неточно установлены и плохо защищены, либо подпадают под разного рода ограничения (прежде всего — со стороны государства): «...какое бы конкретное обличие не принимало размывание, оно означает существование ограничений на право владельца изменять форму, ме-

стоположение или субстанцию имущества и передавать все свои права по взаимоприемлемой цене»²¹. В этом случае нарушается обратная связь между решениями экономических агентов и получаемыми ими результатами. Ослабляя исключительность и отчуждаемость прав собственности, ограничения уменьшают степень рыночности экономики. Любые ограничения сужают поле экономического выбора, перестраивают ожидания экономических агентов, снижают для них ценность ресурсов, меняют условия обмена.

В этом смысле полезно сравнить процессы ограничения и расщепления права собственности. И то, и другое вносит динамический элемент в сложившуюся систему отношений собственности. Но между ними есть принципиальные различия. «Отпочковывание» отдельных правомочий происходит в форме двустороннего добровольного обмена, по инициативе самих собственников. Ограничения же налагаются, как правило, в принудительном порядке, и при этом правомочие чаще всего не присваивается государством, а вообще изымается из оборота.

Поэтому действия государства, направленные на установление подобных ограничений, оказываются у теоретиков прав собственности под априорным подозрением. Ведь во многих случаях оно «размывает» права собственности в интересах различных лоббистских групп, руководствуясь перераспределительными соображениями.

Основания для этого просты: если ничто не препятствует какому-либо перераспределению прав, но в рыночной практике оно не встречается, значит, оно неэффективно, иначе рациональные экономические агенты не упустили бы возможность заключения добровольной сделки, отвечающей интересам всех ее участников; поэтому когда государство осуществляет его на принудительной основе, это не может не сказываться отрицательно на уровне благосостояния общества. Так, например, теоретики прав собственности расценивают действующее в ФРГ законодательство о соучастии рабочих в управлении компаниями²².

Вместе с тем признается, что в реальности противопоставление самоограничений, добровольно принимаемых на себя экономическими агентами, и принудительных ограничений, вводимых государ-

²¹ The economics of property rights: 4.

²² The codetermination movement in the West Europe / Ed. by S. Pejovich. Lexington, 1978.

ством, во многих случаях не срабатывает: «Никакая четкая граница не отделяет ограничения прав, являющиеся результатом частных договоров, от ограничений, попадающих под юрисдикцию судов или принудительный контроль правительства»²³.

Кроме того, никто не утверждает, что необходимо точное определение всех правомочий любой ценой. С экономической точки зрения спецификация должна идти до того предела, где дальнейший выигрыш от преодоления «размытости» прав уже не будет окупать связанных с этим затрат. Поэтому существование широкого класса ресурсов с размытыми или неустановленными правами на них — нормальное явление, присутствующее во всех экономиках. Однако в зависимости от величины и состава этого класса разные экономики могут сильно различаться по уровню эффективности.

²³ *Chuang S. N. S. Structure of a contract and the theory of nonexclusive resources // The economics of property rights: 50.*